

Т.С. Степичева

Томский государственный педагогический университет

**Полифоническая организация былички и бивальщины
в аспекте субкультурной обусловленности**

Аннотация: Данная статья представляет собой рассмотрение текстов современной былички и бивальщины с точки зрения их полифонической организации. Основное утверждение работы: текст былички и бивальщины формируется за счет текстовых свойств жанра и корректируется в рамках определенной субкультуры, являющейся для него порождающей средой.

Given article represents consideration of texts modern legend and byvalshina from the point of view of their polyphonic organization. The basic statement of work: the text legend and byvalshina is formed at the expense of text properties of a genre and corrected within the limits of the certain subculture which are for it generating environment.

Ключевые слова: полифоническая структура, субкультура, фольклорный текст.

Polyphonic organization, subculture, the folklore text.

УДК: 801.8.

Контактная информация: Томск, пр. Комсомольский, 75. ТГПУ, филологический факультет. Тел. (3822) 522382. E-mail: sts0303@yandex.ru.

В современной лингвистической науке имеет место такое понимание текста, согласно которому он воспринимается не как линейное образование, а как структура многоуровневая, где прослеживаются связи с другими, предшествующими текстами (см. работы М.М. Бахтина, Р. Барта, Б.М. Гаспарова, Ю. Кристевой и др.).

Такой подход к изучению текста позволяет рассматривать его как полифоническую структуру – «такой способ организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации текста» [Тубалова, 2009, с. 86].

Основной единицей полифонической структуры является полифоническое включение – текстовый фрагмент, заданный до конкретной реализации текста и отсылающий к какой-либо прототекстовой области.

В данном исследовании рассмотрим тексты современных быличек и бивальщин туристической и медицинской субкультуры.

Цель данной статьи – выявить текстовые включения современных быличек и бивальщин, обусловленные спецификой отдельной субкультуры.

В связи с тем, что изучаемые нами жанры имеют статус фольклора, необходимо обозначить некоторые его специфические черты.

С одной стороны, фольклорный текст отличается наличием эстетической переосмысленности и, тем самым, некоторой стабильностью формы (к примеру,

частушка характеризуется жесткой структурной организованностью, наличием рифмы, ритма и т.д.).

С другой стороны – фольклорный текст качественно отличается от художественного текста (как структуры «конечной», завершенной), во-первых, отсутствием авторского начала, делающим фольклорный текст общим для данного коллектива, а каждого исполнителя – его транслятором, а во-вторых, устностью бытования, требующей от автора его «встраивания» в ситуативный контекст.

Полифонические включения реализуют два вида отношений с их смыслообразующим источником: интертекстуальные (источник – конкретный прототекст) и интердискурсивные (источник – дискурс, для которого реализуемый смысл оказывается органичным).

Интертекстуальность применительно к фольклорному тексту приобретает особый статус.

В концепции данной статьи необходимым является рассмотрение специфики организации полифонии в фольклоре. Для определения способов ее реализации обратимся к исследованиям, посвященным специфике фольклорного текста.

В связи с тем, что теория полифонии связана с понятием интертекста, важно представить здесь некоторые точки зрения на специфику фольклорного интертекста. По мнению С.Ю. Неклюдова, необходимое условие существования фольклора – наличие «авантекста», так как каждая модификация фольклорного произведения представляет собой некую структуру, которая строится из элементов традиции [Неклюдов, электронный ресурс]. Данные элементы могут варьироваться в зависимости от специфики фольклорной памяти рассказчика. В терминологии А.В. Костиной традиция называется «идеальным фондом», или «словарем», содержащим «абстрактные модели, лежащие в основе традиционного творчества и реализуемые в практике» [Костина, 2004, с. 247]. С другой стороны, современный городской фольклор «идеологически маргинален», «фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расчленением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы» [Неклюдов, 2003, с. 11]. Приспосабливаясь к современной действительности, он становится результатом «коллажирования, монтажа образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» [Богданов, 2000, с. 47].

Таким образом, можно заключить, что полифоническая структура современного фольклорного текста складывается из элементов, ориентированных как на традицию / «авантекст» (внутрифольклорные), так и на ту текстовую среду, которую определяет культурная сфера его функционирования (субкультура, социальная группа и т.д.).

Рассмотренные в данной работе жанры демонстрирует особенности современного фольклора: субкультурная обусловленность («мозаичность» порождающей его культурной среды), преобразование сакрально-мифологической основы (С.Ю. Неклюдов, К.А. Богданов, Д.К. Равинский, И.А. Подюков и др.) и т.д.

Т.Б. Щепанская, определяя субкультуру как особую коммуникативную систему, относит фольклор к числу культурных кодов, выступающих в качестве одного из специфических средств коммуникации [Щепанская, 2003, с. 29]. Мы исходим из того, что указанный культурный код формируется на основании общекультурных жанровых моделей и «приспосабливается» к конкретной субкультуре с учетом ее специфики. В результате фольклорный текст предстает как многослойное образование, включающее в качестве базового слоя собственно фольклорные модели в их жанровом выражении, а также полифонические включения различного типа (обусловленные субкультурно, дискурсивно, личностно и т.д.).

Собранный нами материал¹ включает следующие типы быличек и бывальщин, выделенные на основании их субкультурной принадлежности: туристические, студенческие, медицинские, пионерские и т.д.

В данном случае остановимся на анализе жанровых форм двух субкультур: медицинской и туристической, – как позволяющих показать общие и специфические принципы текстовой организации в рассматриваемом аспекте.

Рассмотрим специфику указанных жанров как основу формирования жанровых моделей.

Бывальщина – «личное воспоминание, перешедшее в традицию, интересное другим рассказчикам, подвергнутое ими правке и изменениям» [Аникин, 1985, с. 29]. Быличка (традиционная) – это «устный рассказ о леших, домовых, водяных, русалках, кикиморе <...> и вообще о вмешательстве в людскую жизнь разных сверхъестественных сил из мира народной религии» [Там же]. В данной статье мы предполагаем рассматривать эти жанры в комплексе (хотя различие в их полифонической организации, безусловно, обнаруживаются), так как их реализация мотивирована сходными когнитивными установками.

Оба жанра имеют прозаическую природу, что является значимым в рамках этой работы, так как прозаическая структура более гибкая по сравнению с поэтической и характеризуется большей открытостью для проникновения полифонических включений.

Еще одной особенностью рассматриваемых жанров является органичное встраивание их в речевую среду повседневности, разомкнутость их текстовой формы: былички и бывальщины являются частью беседы и отграничиваются от нее только при помощи определенных, часто стандартных зачинов и концовок (*Был в моей жизни такой случай... // Однажды ко мне пришла женщина // с тех пор в этом корпусе многие слышали какие-то голоса...*).

В основе сюжетной организации былички лежит рассказ о столкновении с потусторонним миром. В традиционных текстах персонификаторами потустороннего были лешие, ведьмы, оборотни. В современных текстах их место заняли призраки умерших людей, домовые и т.д. – в зависимости от типа субкультуры, который является их порождающей средой. К примеру, в туристическом дискурсе персонажами былички являются *Черный человек*, *Белый спелеолог* и др.; в студенческом дискурсе – *призрак старой коменды*, *призрак декана* и под.

Сюжетообразующим началом бывальщины является какое-либо событие, не выходящее за рамки бытового, повседневного, но при этом все же имеющее некую исключительность, которая позволяет ему стать основой для многократного «пересказывания» текста, для обретения данным текстом признаков эстетической константности. В качестве такого события может выступать случай с собакой, которая любит пиво, происшествие с группой туристов, сошедших с маршрута, и т.д.

Рассмотрим специфику указанных субкультур, релевантную в аспекте адаптации в них исследуемых жанровых моделей.

Медицинская субкультура, или субкультура больницы, объединяет людей, так или иначе связанных с медициной. С одной стороны – это медицинские работники, с другой – больные, пациенты.

Данную субкультуру характеризует наличие сакрального начала (связанного, например, с клятвой Гиппократова), особой медицинской этики (неразглашение врачебной тайны), большого количества специфических медицинских терминов и – шире – особой профессиональной стилистики (в терминологии Т.Б. Щепанской – «социально-профессиональная» субкультура [Щепанская, 2003, с. 31]). Кроме того, данную субкультуру репрезентируют обнаруживаемые иссле-

¹ Рассматривались материалы, собранные автором в г. Томске, а также материалы, представленные на сайте www.ruthenia.ru.

дователями «цинизм и негативизм, касающиеся самого себя, окружающих, рабочей обстановки и мира в целом» [Семкова, с. 7]

Туристическая субкультура, в отличие от медицинской, не имеет жесткой профессиональной ориентированности (в терминологии Т.Б. Щепанской – «досуговая» субкультура [Щепанская, 2003, с. 54]), ее участников объединяет установка на отдых, кроме того, чтобы стать туристом, не нужно получать каких-либо профессиональных знаний.

Рассмотрим полифонические включения, обусловленные адаптацией жанра к субкультуре.

1. Одной из отличительных черт медицинской субкультуры является наличие большого количества специфических медицинских терминов (медицина – отдельная область знаний с хорошо разработанной терминологией), а также особых стилистических моделей, предназначенных для описания явлений, связанных с медициной. Этот особый язык широко представлен и в интересующих нас текстах. Их использование в фольклорных текстах – одна из форм приспособления жанра к данной конкретной субкультуре (*Когда-то у нее лечился больной с геморрагическим васкулитом. Болезнь эта имеет разные проявления: от легких кожных до очень тяжелых. У этого больного было очень тяжелое проявление, тяжелая форма, сопровождавшаяся кишечным кровотечением и некрозом*).

Несмотря на то, что туристическая субкультура предполагает наличие в своей текстовой среде специальной лексики, подобные единицы редко фиксируются в туристическом фольклоре.

2. Кроме самих терминов статус полифонических включений имеют и пояснения рассказчика в условиях общения с представителями других культур. Причем эти пояснения вводятся в текст вполне осознанно и выполняют метаинформативную функцию (*И, когда она заполняла, то дверь в комнату, где кюезы стоят... Кюез – своеобразный инкубатор, где маленькие дети лежат, понятно? Там их питают, выращивают, если можно так сказать...*).

Данный тип полифонических включений достаточно широко представлен в быличках и бывальщинах туристической субкультуры (*в памирках, палатках горных, у них два входа, вот... И два выхода, значит... Вот, две дыры... Одна сзади, другая спереди*). Однако в связи с тем, что участниками данной субкультуры становятся люди без специального образования, специальная туристическая лексика не нуждается в отдельной расшифровке, так как понятна и знакома всем. Кроме того, относительно небольшое количество подобного рода включений в туристических текстах объясняется еще и тем, что субкультура эта сама по себе однородна и относительно закрыта, поэтому рассказывание осуществляется, в основном, внутри нее.

3. В текстах туристической субкультуры действуют постоянные персонажи: *Черный Альпинист, Белый Спелеолог, Зеленый Камнежуй* и т.д. Само их упоминание по отношению к рассматриваемым жанрам имеет статус включения (*Ей сказали: «Ребята, это вам просто помог Черный Альпинист» / И вот тогда только вспомнили, что Черный Альпинист как бы предсказал, что будет несчастье в группе*). Кроме того, характеристики этих персонажей также являются субкультурно обусловленными включениями, так как обладают относительной стабильностью и переходят из одного текста в другой (*капюшон был глубоко закрыт... Закрыта им голова. Несмотря на погоду, одет полностью, вот. В штурмовку, значит весь такой закутанный... вот*). В классической быличке присутствуют аналогичные стабильные характеристики персонажей (*Я иду с коромыслом за водой. Вроде как русалка голая сидит, волосы длинные-длинные*). Персонажи являются персонификацией устойчивого мотива – мотива смерти, который характерен для обеих субкультур, но причина его появления в рассматриваемых субкультурах разная. В туристическом дискурсе этот мотив является следствием образа жизни, сопряженного с постоянным риском. Для туристов характерна посто-

янная осознанная игра со смертью, отсюда особый – эстетический – пиетет по отношению к смерти. Эти персонажи являются частью мифологии туристов, которая создается в связи с потребностью «компенсировать потерю привычных культурных текстов, регулирующих отношения между людьми» [Шумов, Абанькина, 2003, с. 112].

В медицинской субкультуре, в отличие от туристической, нет конкретных мифологизированных персонажей, обычно это или призраки умерших людей или просто «голоса» потустороннего мира. Отсутствие номинаций подобного рода связано с тем, что к «смерть» здесь формируется иное отношение: являясь одним из вариантов исхода лечения, она приобретает характер обыденности.

4. В быличках и бывальщинах туристического дискурса встречаются включения, являющиеся фрагментами текстов других жанров, но функционирующие в той же субкультуре (*У нас там была одна песня вообще, которую если мы пели в походе – сразу шел дождь. Там что-то вроде того там «Солнца не будет, жди-не жди, третью неделю льют дожди»*). Субкультура туристов является досуговой и направлена, во-первых, на реализацию потребности в неформальном общении, во-вторых, пение песен – это одна из главных форм проведения досуга туристами. Еще одна характерная текстовая форма данной субкультуры – примета. Иногда вокруг подобных включений выстраивается текст всей былички (*А еще, допустим, вот я много слышал всяких погодных примет, допустим, **чтоб завтра там не было плохой погоды, нельзя там вообще говорить про погоду***).

В текстах медицинской субкультуры нет подобных включений, так как текстовая культура медицины, в связи с ее профессионально ориентированным, недосуговым характером, отсутствием установки на «любование» текстом, на отношение к его воспроизводству как к значимой части времяпровождения, развита гораздо слабее.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что текст былички и бывальщины формируется за счет текстовых свойств жанра и корректируется в рамках определенной субкультуры, являющейся для него порождающей средой.

Литература

- Аникин В.П. Русский фольклор. М., 1985.
- Богданов К.А. Прецедентные тексты и социальные роли: инновации и маргиналии современной фольклористики // Русский текст. 2000. № 4. С. 47–68.
- Костина А.В. Интертекстуальность как фундаментальный признак культуры постмодернизма: к вопросу о соотношении массовой культуры и культуры традиционной // Фольклор и художественная культура. Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. М., 2004. С. 246–257.
- Неклюдов С.Ю. Специфика фольклорного текста и «знание» традиции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/neckludov21.htm.
- Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5–23.
- Семкова М.П. Ритуал и выгорание в субкультуре скорой помощи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.samlib.ru
- Тубалова И.В. Коммуникативные модели реализации полифонической рефлексии в разговорно-бытовом дискурсе // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Под ред. З.И. Резановой. Томск, 2009. С. 56–97.
- Шумов К.Э., Абанькина Е.В. Фольклор и обряды туристов. // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 103–123.
- Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 34–86.